

Арсений [Стадницкий], еп. Речь при пострижении в монашество студента 2-го курса Московской Духовной Академии Сергея Симанского, в иночестве Алексия [будущего патр. Алексия (Симанского)], произнесенная в пещерной церкви Гефсиманского скита 9 февраля 1902-года // Богословский вестник 1902. Т. 1. № 3. С. 431—436 (2-я пагин.).

Р Ъ Ч Ъ

**при постриженіи въ монашество студента 2-го курса Москов-
ской Духовной Академіи Сергѣя Симанскаго,**

въ иночествѣ Алексія,

произнесенная въ пещерной церкви Гефсиманскаго скита, 9 Февраля, 1902 г.

Взирая на тебя, возлюбленный о Господѣ братъ, одушевленнаго неизъяснимымъ восторгомъ и высокою духовною радостію о Христвъ Иисусѣ, для Котораго ты нынѣ *распялся міру*, и я, послужившій тебѣ въ исполненіи твоего давняго желанія, раздѣляю эту святую радость, потому что *воистинну доброе и блаженное дѣло ты избралъ*. Правда, желаніе твое исполнилось нѣсколько позже, чѣмъ ты предполагалъ. Но я медлилъ не потому, что сомнѣвался въ искренности твоихъ чувствъ, а—чтобы дать тебѣ возможность испытать свою юность, укрѣпиться въ своемъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что и происхожденіе твое, и образованіе въ свѣтскихъ школахъ ¹⁾, по видимому, указывали тебѣ не на этотъ тѣсный путь отреченія отъ міра, а именно—на жизнь въ немъ, со всѣми такъ называемыми мірскими благами. Моему мысленному взору предносился образъ богатаго евангельскаго юноши, который, въ порывѣ духовнаго восторга и въ желаніи наслѣдовать жизнь вѣчную, сначала рѣшился, по видимому, вступить на путь подвига нравственнаго совершенствованія, обусловленнаго исполненіемъ заповѣдей Закона, считая по своей юношеской самонадѣянности это дѣломъ слишкомъ

¹⁾ Новопостриженный сынъ Камеръ-Юнкера. Учился въ Императорскомъ Лицеѣ Цесаревича Николая, а затѣмъ окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ по юридическому факультету.

легкимъ. Но когда Господь разъяснилъ ему трудность этого пути, потребовалъ самымъ дѣломъ доказать это, вступить на путь самоотреченія и смиренія, отказаться отъ мнимаго богатства своихъ силъ и отъ своей самонадѣянности, то, какъ замѣчаетъ евангелистъ, *отъиде юноша скорбя* (Мат. XIX, 22).

Убѣдившись въ твоей твердой рѣшимости всецѣло предать себя на служеніе Господу, я почелъ теперь благовременнымъ исполнить твое желаніе иноческаго житія. И ты только что исповѣдалъ предъ Богомъ и церковью рѣшимость отринуть міръ съ его преходящею похотью (1 Иоан. 2, 17) и стремиться къ сокровищамъ одной духовной жизни. Привѣтствую тебя со вступленіемъ на этотъ самый тѣсный путь спасительнаго крестоношенія.

Спасеніе—вождедѣнная цѣль всякаго христіанина, и Господь призываетъ насъ къ нему различными путями. Отличіе монаха отъ всякаго другого человѣка состоитъ только въ томъ, что монахъ призванъ осуществлять свои христіанскія цѣли въ особенныхъ, исключительныхъ условіяхъ, опредѣляемыхъ обѣтами монашеской жизни. А потому монашество, какъ произвольное, скрѣпленное обѣтами, отреченіе даже отъ невинныхъ радостей и удовольствій, какія даетъ жизнь мірская, имѣетъ безъ сомнѣнія высшую цѣну въ очахъ Божіихъ, какъ высшій подвигъ добродѣтели, и потому привлекаетъ себѣ и высшія дарованія отъ Бога. *Всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села Мене ради, сказалъ Спаситель, — сторицею прїиметъ, и животъ вѣчный наследитъ* (Мат. 19, 29). Но для этого необходимо принимающему на себя монашескій чинъ знать и выполнять тѣ особенныя правила и обѣты своего внутренняго и внѣшняго поведенія, какія требуетъ этотъ ангельскій, какъ не безъ значенія онъ называется, чинъ. Эти правила и обѣты только что исповѣданы тобою. Изъ нихъ я остановлю теперь твое вниманіе на одной добродѣтели, которая является основаніемъ, а вмѣстѣ и вершиною нравственнаго усовершенствованія, какъ цѣли истиннаго монашества.

Аще хочещи инокъ быти, говорится въ исповѣданномъ тобою оглашеніи..., стяжи смиренномудріе, и мѣ же наследникъ будещи вѣчныхъ благъ. “Путь смиренія низокъ, но къ высокому отечеству—небу ведетъ”,—говоритъ святитель Тихонъ. Привода

человѣка къ сознанію своей нищеты духовной, своего недо-стоинства, смиреніе естественно возбуждаетъ въ немъ жажду благъ духовныхъ. Сердце смиренного алчетъ и жаждетъ правды, неудержимо, неутомимо, стремится къ спасенію и, отрехшись искать успокоенія и удовлетворенія своимъ потребностямъ въ благахъ вещественныхъ, утоленія своей духовной жажды въ источникахъ міра сего,—ищетъ духовнаго насыщенія себѣ въ единомъ Богѣ, въ дарахъ Его благодати. Смираннымъ подается благодать, которая, срѣтаясь съ свободою человѣка въ одномъ общемъ стремленіи, въ одной общей цѣли—нравственнаго возвышенія человѣка, соединяется съ нею и при согласномъ дѣйствованіи возводитъ человѣка постепенно на высоту нравственныхъ совершенствъ и непоколебимо утверждаетъ на ней. Нравственная высота, на которую возводитъ человѣка смиреніе, состоитъ въ богатствѣ его истинною мудростью и истинною добродѣтелью. И дѣйствительно, смиреніе есть одинъ изъ признаковъ истинной мудрости. Еще древній языческій мудрецъ сказалъ: „я знаю только то, что ничего не знаю“. Не тотъ мудръ, кто мечтаетъ, что имѣетъ мудрость, но тотъ мудръ, кто позналъ свое незнаніе и исцѣлился отъ мечтанія. Поэтому и я увѣщаваю тебя словами Апостола: „не высокоумствуй и не мечтай о себѣ“ (Римл. XII, 16). Смиреніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрныи стражъ всѣхъ добродѣтелей, такъ что преуспѣвать въ добродѣтели, по словамъ св. Василія В., значитъ преуспѣвать въ смиреніи. И никакія подвиги—ни бдѣнія, ни постъ, ни молитва, ни удаленіе въ пустыню не имѣютъ цѣны безъ смиренія.

Какъ благовременно, возлюбленный братъ, напоминаніе объ этой добродѣтели особенно нынѣ, когда самонадѣянность и самомнительность охватываютъ старцевъ и старицъ, мужей и женъ, юношей и отроковъ, слишкомъ высоко цѣнящихъ свои достоинства, умственные и нравственные, и вслѣдствіе этого впадающихъ въ нравственную безпечность, въ нерадѣніе о нравственномъ преуспѣяніи своемъ и потому теряющихъ нравственные сокровища свои и нравственно мельчающихъ. Между тѣмъ смиреніе, возводя каждаго человѣка на большую или меньшую высоту нравственную, имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ и высокое положеніе человѣка въ мірѣ нравственномъ,—доставляетъ ему сильное вліяніе на дѣла и судьбы міра и человѣческаго рода. Дока-

зательствомъ этого являются св. угодники Божіи, въ особенноти св. подвижники. Вся жизнь ихъ была непрерывнымъ подвигомъ смиренія и самоуниженія, по которому они старались видѣть только свои слабости и недостатки, и скрывали отъ себя самихъ, и отъ взоровъ міра свои труды, подвиги и добродѣтели, и—смиреніе, самоуниженіе вознесло, возвеличило, прославило ихъ. Исторія полна поразительныхъ примѣровъ того, какъ не облеченные внѣшнею властію, занимая самое скромное общественное положеніе, а то—и никакого, истинные подвижники, облеченные внутреннею силою и богатствомъ духовныхъ дарованій и добродѣтелей, оказывали великое вліяніе на людей. Цѣлыя тысячи людей, по ихъ указаніямъ, устроили добрую жизнь свою, а другія тысячи хотя нѣсколько обуздывали грѣховные порывы свои. Сильные міра, даже цари, по ихъ совѣтамъ, оставляли безъ исполненія одни предназначенія свои и приводили въ дѣйствіе другія. А сколько благодѣяній оказывали и оказываютъ святые подвижники и частнымъ людямъ, и цѣлымъ городамъ, странамъ, народамъ своимъ молитвеннымъ предстательствомъ предъ Богомъ! Съ великимъ вліяніемъ ихъ на судьбы міра соединяется и великая безсмертная слава ихъ, которой не могутъ достигнуть дѣятели по духу міра, славные земли, безсмертные міра, ибо всякая слава человѣческая подобна скоро засыхающей и отцвѣтающей травѣ (1 Петр. 1, 24). Приводить ли имена этихъ друзей Божіихъ? Не достанетъ мнѣ времени повѣтствовать объ этомъ. Укажу на преподобнаго отца нашего Сергія, великаго подвижника земли русской, въ обители котораго мы имѣемъ счастье привитать и имя котораго ты носилъ въ міру. Кому неизвѣстна смиренная подвижническая жизнь его и вліяніе даже на великихъ и сильныхъ міра сего,—вліяніе, продолжающееся болѣе 500 лѣтъ и имѣющееся продолжаться въ роды родовъ? Такою же чисто подвижническою жизнію отличался и святитель Московскій, современникъ Преподобнаго, Алексій, имя котораго теперь тебѣ дано. Онъ заповѣдалъ положить тѣло свое не въ церкви, но внѣ церкви за алтаремъ, на указанномъ имъ мѣстѣ, „великаго и конечнаго ради смиренія“. Вспомни, наконецъ, и родоначальниковъ нашего монашества преподобныхъ Антонія и Феодосія Печерскихъ, въ храмъ которыхъ ты нынѣ вступи-

пилъ на новый путь иноческаго житія. По сказанію составителя житія св. Θεодосія, онъ „превосхождаше всѣхъ смиреніемъ и споспѣшествомъ всѣмъ служаше.. въ памяти имѣяше Господа, рекшаго: *иже аще хоцетъ въ васъ вящій быти, да будетъ вамъ слуга* (Мар. 10, 43). Тѣмъ же смиряшея, меньша себѣ всѣхъ творя и всѣмъ служа“.

Наипаче же всего помышляй непрестанно о безпредѣльномъ смиреніи Господа нашего Иисуса Христа и Его Пречистой Матери, предъ чудотворною иконой которой, именуемой Черниговскою, мы теперь предстоимъ. „Поспѣши же, братъ мой, — заключу словами св. Іоанна Лѣствичника, — всѣми мѣрами взойти на сію священную гору смиренія“. Стяжавши сію добродѣтель, ты возлетишь на ея крылахъ на высоту нравственную, недоступную ни для какихъ усилій человеческихъ, не окрыляемыхъ смиреніемъ, и будешь *наслѣдникъ вѣчныхъ благъ*.

Епископъ Арсеній.
